

ANDREAS WEIGEND

DATA FOR THE PEOPLE:

**HOW TO MAKE OUR POST-PRIVACY
ECONOMY WORK FOR YOU**

АНДРЕАС ВАЙГЕНД

BIG DATA

ВСЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОДНОЙ КНИГЕ

БОМБОРА™

Москва 2021

УДК 004.6
ББК 32.973-018.2
В14

Andreas Weigend
DATA FOR THE PEOPLE
© Andreas Weigend, 2017
This edition published by arrangement with
Levine Greenberg Rostan Literary Agency
and Synopsis Literary Agency

Вайгенд, Андреас.
В14 BIG DATA. Вся технология в одной книге / Андреас Вайгенд ; [пер. с англ.
С. Богданова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Top Business Awards).

ISBN 978-5-04-094117-9

Информация как таковая становится самой значительной отраслью экономики, и базы данных знают о каждом конкретном человеке больше, чем известно ему самому. Чем больше информации о каждом из нас попадает в базы данных, тем в меньшей степени мы существуем.

УДК 004.6
ББК 32.973-018.2

ISBN 978-5-04-094117-9

© Богданов С., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящается н., ф. и с.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Пролог</i>	
КОГДА ЗАФИКСИРОВАНО ВСЕ	9
<i>Введение</i>	
РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДАННЫХ. КАК МОЖНО ЗАСТАВИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПРИНОСИТЬ ПОЛЬЗУ ЛЮДЯМ?	15
<i>Глава 1</i>	
КАК НАУЧИТЬСЯ РАЗБИРАТЬСЯ В ДАННЫХ. ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЦИФРОВОГО ГРАЖДАНИНА	31
<i>Глава 2</i>	
ЗНАКИ И ЗНАЧЕНИЯ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕЖДУ ЦИФРОВЫМ ЧАСТНЫМ И ЦИФРОВЫМ ЧЕСТНЫМ	68
<i>Глава 3</i>	
ЗНАКОМЫЕ И СОБЕСЕДНИКИ. ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕПУТАЦИЯ В ПРОФАЙЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ	108
<i>Глава 4</i>	
СРЕДА И УСЛОВИЯ. ОСМЫСЛЕНИЕ СЕНСОРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	159
<i>Глава 5</i>	
ПАНЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ. ПРОЗРАЧНОСТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ	208
<i>Глава 6</i>	
УПРАВЛЕНИЕ. СВОБОДА ВЫБОРА ДЛЯ ЛЮДЕЙ	249
<i>Глава 7</i>	
ПРАВО И ЖИЗНЬ. ПРОЗРАЧНОСТЬ И СВОБОДА ВЫБОРА НА ПРАКТИКЕ	280
<i>Эпилог</i>	
К СВЕТУ!	327
БЛАГОДАРНОСТИ	330
ПРИМЕЧАНИЯ	331
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	370

Пролог

КОГДА ЗАФИКСИРОВАНО ВСЕ

Информация как таковая становится самой значительной отраслью экономики, и базы данных знают о каждом конкретном человеке больше, чем известно ему самому. Чем больше информации о каждом из нас попадает в базы данных, тем в меньшей степени мы существуем¹.

Маршалл Маклюэн

В 1949 ГОДУ МОЙ ОТЕЦ, В ТУ ПОРУ ДВАДЦАТИТРЕХЛЕТНИЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ПОЛУЧИЛ МЕСТО УЧИТЕЛЯ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ. ПРИЕХАВ В ГОРОД, ГДЕ ЕМУ ПРЕДСТОЯЛО РАБОТАТЬ, ПАПА РЕШИЛ, ЧТО ЕМУ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО: ПРЯМО НА ВОКЗАЛЕ ОН ВСТРЕТИЛ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ТОЖЕ ИСКАЛ СЕБЕ ЖИЛЬЕ И СОСЕДА ПО КОМНАТЕ. ОНИ НАШЛИ СЕБЕ КВАРТИРУ, НО БУКВАЛЬНО ЧЕРЕЗ ПАРУ ДНЕЙ СОСЕД ИСЧЕЗ. ПАПА БЫЛ ОЗАДАЧЕН. СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ОН БЫЛ УЖЕ НЕ НА ШУТКУ ОБЕСПОКОЕН.

Как-то утром, когда он готовил себе завтрак, в дверь постучали. Папа обрадовался — он решил, что сосед вернулся! Но, открыв дверь, увидел каких-то незнакомых людей. Они сообщили, что ему присуждена премия за успехи в деле народного образования. Премию будут вручать в торжественной обстановке, а их прислали, чтобы сопроводить его на церемонию. Папа не слишком поверил сказанному — уж больно угрюмо выглядели эти мужчины в одинаковых плащах. Но выбора у него не было. Когда его затолкали в ожидавшую на улице машину, он с ужасом обна-

ружил, что ее дверцы не открываются изнутри. Его арестовали советские власти.

Отца обвинили в шпионаже в пользу американцев. Основанием для обвинения послужило его знание английского языка. Ни семья, ни знакомые не знали, где он. Для них он исчез с лица земли. Его бросили в камеру-одиночку тюрьмы, где он протомился следующие шесть лет. Он так никогда и не узнал ни причины своего ареста, ни причины своего освобождения.

Доступ к личной информации человека — реальная угроза его безопасности, поскольку эти данные могут быть использованы ему во вред. В моих глазах этот риск выглядит особенно очевидным и пугающим, в частности, потому, что я знаю, как собирали и использовали личную информацию против моего отца.

Лет через десять после распада ГДР я попросил дать мне возможность ознакомиться с информацией, которую Министерство госбезопасности, Штази, собирало о моем отце до и после его тюремного заключения. Я был далеко не единственным — с момента падения Берлинской стены с просьбами предоставить доступ к досье Штази на себя или на своих близких обратились почти три миллиона человек². К сожалению, в письме от комиссии по архивам Штази сообщалось, что все материалы, касающиеся моего отца, утрачены.

Но в конверте с письмом обнаружилось кое-что еще — фотокопия обложки досье Штази на меня самого. Я был поражен. Штази вела досье на меня? Я же был просто студентом-физиком. Тем не менее агенты госбезопасности начали собирать информацию обо мне еще в 1979 году, когда я был подростком, а датой последнего обновления значился 1987 год, когда я уже переехал в Штаты. От досье осталась только обложка, и я вряд ли когда-нибудь узнаю, что именно собрала на меня Штази, зачем это было нужно и как использовалось, если использовалось вообще.

Во времена Штази получение информации о «гражданине, представляющем оперативный интерес», было непростым делом. Сначала нужно было собрать данные — организовать слеж-

ку, фотографирование, перлюстрацию почты, опрос знакомых и прослушку в доме. Затем все полученные данные скрупулезно анализировались. Работы было столько, что к моменту краха ГДР один процент всех граждан, занятых в народном хозяйстве, являлись штатными сотрудниками госбезопасности. Но для сбора информации Штази требовались еще большие ресурсы³. По данным германского федерального правительства, негласными осведомителями властей являлись примерно 200 000 жителей ГДР⁴.

Сегодня собирать данные стало намного проще. Вспомним лишь несколько из наиболее известных примеров. После многомесячных протестов и судебных разбирательств борцам за тайну личной жизни удалось одержать небольшую и неполную победу в деле об упрощенном порядке предоставления Агентству национальной безопасности (АНБ) информации о частных телефонных разговорах⁵. Тем не менее лишь очень немногие решили отказаться от услуг мобильной связи, хотя совершенно очевидно, что метаданные телефонных звонков могут быть доступны АНБ — и не только ему. Так, женщину — торгового агента из Калифорнии уволили с работы за то, что она удалила со своего смартфона приложение, позволявшее менеджеру отслеживать ее местонахождение как в рабочее, так и в нерабочее время⁶. Когда стало известно, что Facebook тщательно исследует распространение настроений пользователей, поднялся шум по поводу «манипулирования» чувствами⁷. Однако на популярности сети это практически не сказалось, и она продолжила эксперименты с данными пользователей без их предварительного согласия по той простой причине, что это крайне необходимо для дизайна платформы. А в 2015 году аффилированная с торговым гигантом Alibaba компания Ant Financial запустила в Китае пилотную версию сервиса Sesame Credit, рассчитывающего рейтинг кредитоспособности частного лица на основе анализа его покупок — как если бы выдачу кредитов американцам одобряли на основе истории их покупок в Amazon⁸. Этот рейтинг моментально стали использовать и в других сферах, в том числе в качестве опции

Обложка досье Штази

профайла на самом популярном китайском сайте знакомств⁹. Признаков массового отказа от мобильных телефонов, электронных адресов, навигаторов, аккаунтов в социальных сетях, покупок в интернет-магазинах и прочих цифровых услуг не наблюдается. Ведь все эти технологии сильно упрощают жизнь.

Шок, испытанный при виде досье Штази на себя, мог бы превратить меня в фанатичного ревнителя тайны личной информации. Отнюдь. На самом деле записи Штази — пустяк по сравнению с тем количеством информации о себе, которую я добровольно предоставляю всем желающим изо дня в день.

С 2006 года я публикую на своем личном сайте план всех своих выступлений и лекций, а также всех авиаперелетов, вплоть до номера забронированного в салоне места¹⁰. Я делаю это, поскольку считаю, что реальная польза от предоставленной о себе информации выше, чем связанные с этим риски. Эта информация создает возможности для получения и оптимизации знаний. Главное — обеспечить, чтобы интересы тех, кто использует эту информацию, не противоречили нашим собственным.

Как можно этого достичь? Через понимание того, какая информация доступна (и наверняка будет доступна в будущем) и как эта информация анализируется и используется компаниями. При всем уважении к Маршаллу Маклюэну я считаю, что чем больше личной информации о нас накапливается в базах данных компаний, тем в большей степени мы существуем и тем больше узнаем о самих себе. Реальная проблема в том, чтобы сделать компании, собирающие личные данные, прозрачными для нас в той же степени, в какой мы прозрачны для них, и обеспечить себе право голоса в вопросах использования этих данных. В этой книге рассказывается о том, как достичь этих целей.

ВВЕДЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК МОЖНО ЗАСТАВИТЬ ИНФОРМАЦИЮ ПРИНОСИТЬ ПОЛЬЗУ ЛЮДЯМ?

Всякая революция начиналась с мысли одного человека; а когда та же мысль овладевала другими людьми, она становилась главенствующей для своего времени¹.

Ральф Уолдо Эмерсон

В 6.45 УТРА МЕНЯ БУДИТ СИГНАЛ БУДИЛЬНИКА В МОЕМ МОБИЛЬНОМ ТЕЛЕФОНЕ. Я бодро перемещаюсь вместе с телефоном на кухню, чтобы начать день с просмотра электронной почты и ленты уведомлений в Facebook. GPS-приемник реагирует на мои перемещения на несколько метров на север и на восток, которые записываются в память телефона. Я наливаю себе кофе и начинаю вести себя более активно. При этом акселерометр телефона отслеживает, насколько быстро я двигаюсь, а барометр фиксирует мой подъем вверх по лестнице. Поскольку на моем телефоне установлены приложения Google, все эти данные попадают в базы этой поисковой системы.

Позавтракав, я отправляюсь на работу в Стэнфордский университет. Энергосбытовая компания установила в моем доме «умный» счетчик, который фиксирует снижение потребления

электричества по мере того, как я выключаю свет и отключаю зарядные устройства моих гаджетов. Когда я открываю двери гаража, счетчик отмечает расход электричества, характерный именно для этого события. Поэтому к моменту, когда я выезжаю на улицу, у моей энергосбытовой компании достаточно информации для того, чтобы понять, что я не дома. А когда сигнал телефона переходит к другой вышке сотовой радиосвязи, это понимает и мой мобильный оператор.

Камера, установленная на углу, сфотографирует номерной знак моего автомобиля в случае, если я проеду на красный. Но сегодня я веду себя паинькой, поэтому появления в почте квитанции со штрафом не предвидится. Тем не менее по пути мой номерной знак попадет под камеры наблюдения еще не раз. Некоторые из этих камер принадлежат районным властям, другие — частным компаниям, анализирующим данные для выявления закономерностей в перемещениях. Результаты их анализа — продукт, который покупают полицейские управления, девелоперы и прочие заинтересованные лица.

Приехав в Стэнфорд, я оплачиваю парковку с помощью приложения EasyPark в моем телефоне. Деньги автоматически списываются с моего счета, а факультет и банк теперь знают, что я приехал в университет ровно в 9.03 утра. Когда телефон перестает перемещаться вместе с машиной, Google решает, что это место парковки, и записывает координаты, на случай, если я вдруг забуду, где оставил машину. А еще пора свериться с приложением страховой компании Metromile, которое считывает данные о моей поездке с бортового компьютера автомобиля. Оно мгновенно сообщает, что расход бензина сегодня был ниже (один галлон на девятнадцать миль) и поездка обошлась мне в 2 доллара 5 центов.

После занятий я планирую повстречаться с одним новым знакомым из Сан-Франциско. Виртуально мы уже встречались, комментируя в Facebook пост одного общего приятеля, и у нас обнаружилась общность точек зрения на затронутую тему. Оказалось, что у нас больше тридцати общих знакомых в Facebook — более чем достаточная причина для личного знакомства.